

Сергей Шаповалов

**Под знаменем Бога Грозы.
Книга вторая. Месть Богов**

ЛитРес: Самиздат
Москва

УДК 82-311.3
ББК 84(2)6
Ш24

Шаповалов С. А.

Под знаменем Бога Грозы. Книга вторая. Месть Богов /
Шаповалов С. А. — Москва: ЛитРес: Самиздат, 2021. — 368
с.

ISBN 978-5-532-93119-0

Исторический роман. Далеко за горизонтом греческой истории лежит империя хеттов, самая таинственная империя древних веков, погибшая задолго до рождения нашего календаря. И не только погибшая, а до недавнего времени совсем забытая — еще в большей мере, чем легендарная Атлантида.

ISBN 978-5-532-93119-0

© Шаповалов С. А., текст, 2020
© Omiko Trading LTD., оформление, 2021

Содержание

Часть третья	4
1	4
2	23
3	26
4	43
5	52
6	85
7	101
8	117
9	138
10	151
11	167
12	184
Часть четвертая	200
1	201
2	222
3	231
4	252
5	261
6	267
7	272
8	285
9	292
10	309
11	344
12	362

Часть третья

Кровь за власть

1

*...Передо мной не вставай!
Стала душа моя злою.
Мертвых я видел своими глазами
На Темной Земле,
Праху подобны они...
«Из песни об Улликумме».*

Суппилулиума решительным движением откинул тяжелую занавесь, скрывавшую вход в покои Фыракдыне. Уже наступила глубокая ночь, и прекрасная таваннанна готовилась ко сну. Небольшую, но богато убранную спальню наполнял завораживающий тонкий аромат благовоний. Серебряные лампадки с тоненькими язычками желтого мерцающего пламени бросали мягкий свет на стены, обтянутые нежно-розовой тканью. Посреди спальни раскинулось просторное мягкое ложе, украшенное золоченой резьбой. Постель скрывал роскошный балдахин из тонкого ассирийского льна спокойного голубого цвета. В одном из углов покоев находилась небольшая золотая истанана: черный куб базальта, на котором стоял лев, вырезанный из голубого мрамора. На спину льва опиралась ногами грозная богиня Сауска. Черты лица и тела правдоподобно сотворил великий мастер из серебра и украсил драгоценными камнями. В другом углу располагался низенький туалетный столик со множеством глиняных флакончиков, маленьких серебряных баночек, золотых грешков, туалетных ложечек и других прелестных мелочей, необходимых красивой женщине.

Перед столиком на деревянном стульчике с небольшой спинкой сидела сама Фыракдыне. Две девочки-невольницы готовили прави-

тельницу ко сну. Таваннанну уже облачили в тонкую ночную хубику с широкими рукавами до локтей. Одна из невольниц расчесывала черные жесткие волосы, плащом укрывавшие плечи и спину правительницы. Широкий гребень из электрона исчезал вместе с кистью в густом водопаде волос. Другая невольница держала зеркальце из полированного серебра с затейливым узором по ободку.

Заметив вошедшего Суппилулиуму, правительница невольно вздрогнула и подала знак прислужницам. Те накинули на плечи таваннанне красную шерстяную андули и, склонившись до земли, попятились из спальни.

– Мог бы предупредить перед приходом. Скоро полночь, – упрекнула его таваннанна, слегка покраснев.

Суппилулиума промолчал. По его мрачному лицу и гневному сверлящему взгляду, Фыракдыне поняла, что лабарна пришел не для выполнения супружеских обязанностей, а для тяжелого неприятного разговора.

Таваннанна покорно ждала, когда лабарна начнет. Суппилулиума же продолжал безмолвно жечь ее взглядом. Наконец Фыракдыне не выдержала и воскликнула:

– В чем ты меня хочешь обвинить? Я в заговоре не участвовала. Наоборот, предупредила тебя перед походом на Митанни, что среди твоих слуг – предатель. Хотя Иссихасса и является мне родственником, однако, никаких тайных дел я с ним не вела. Все мои мешеди вошли на стены и готовы были погибнуть, защищая тебя.

– Я знаю. Если б ты участвовала в заговоре, я бы давно приказал тебя схватить и посадить в темницу, – наконец пробурчал лабарна. – Меня волнует другое: Иссихасса пришел с войсками свергнуть меня и не побоялся гнева Богов. Когда я попытался его укорить, он напомнил мне о лабарне Арнуванде, о моем брате. Обвинил меня в том, что я подослал убийцу. Это – ложь. Фазарука хотел пробраться в покои Арнуванды и прикончить правителя, но я не разрешил. Мало того, я собирался покинуть Хатти, дабы не мешать брату управлять страной.

– Я верю тебе, – голос таваннанны прозвучал глухо.

– Но не это главное, – продолжал Суппилулиума. – Почему Иссихасса, в связи с самоубийством лабарны Арнуванды, вспомнил тебя?

Фыракдыне побледнела и плотно сжала губы. Она дрожащей рукой взяла со столика серебряное зеркальце, затем со злостью швырнула его на место и раздраженно произнесла:

– Ты же знаешь, и все знают, что Арнуванда покончил с собой. Сколько грязи намешали вокруг его смерти! Зачем вновь все ворошить?

– Эта грязь попала на нас, а я хочу быть чистым перед Богами. – Суппилулиума пристально посмотрел таваннанне в глаза и осторожно спросил: – Нас никто не слышит?

– На страже стоят лувийцы. Говори на древнем хаттском. Они плохо понимают этот язык.

– Тогда я поделюсь своими сомнениями, – уверенней и тверже продолжил лабарна. – Я прекрасно знал брата. Ты тоже прекрасно помнишь все его слабости. Могу сказать с уверенностью: Арнуванда не мог убить себя, да еще таким образом. Он был труслив и малодушен. Я бы еще как-то поверил, что он смог бы пересилить себя и выпить чашу отравленного вина, на крайний случай – вскрыть вены. Но воткнуть кинжал в сердце собственной рукой – сомневаюсь! Ему не хватило бы духа. Уверен – его убили! И сделал это кто-то из окружения лабарны. Но к нынешнему времени из тех вельмож мало кто остался в живых.

Таваннанна резко встала. Лицо ее совсем обескровилось и вытянулось. Глаза испугано блеснули.

– Что ты хочешь этим сказать? – выдавила она из себя, сжимая кулачки.

Суппилулиума схватил ее за плечи, грубо усадил обратно на стульчик и прямо в лицо произнес:

– Я по твоим глазам вижу: тебе известно, как погиб правитель. Ты первая обнаружила лабарну мертвым. И еще одно странное обстоятельство: он зарезал себя почему-то в твоей спальне.

Глаза Фыракдыне становились все шире. Лицо сделалось похожим на кусок мрамора. Но она вдруг воскликнула властным голосом:

– Убери руки!

Суппилулиума невольно отпрянул. Сам не сознавая, он подчинялся этой властной женщине, где за красивой внешностью пряталась огромная сила воли и хладнокровие. Фыракдыне не страшен никто. Даже при виде Ярри, ее сердце не дрогнет.

– Тебя мучает совесть? – тихо, но очень твердо произнесла она. Встала и повернулась спиной к лабарне, чтобы он не заметил злости на ее лица. – Твоя совесть чиста. Ты боишься, что будешь держать ответ перед Богами за смерть Арнуванды? Но Боги-то знают истинного убийцу. Так чего ж ты мучаешься? Зачем врываешься ко мне среди ночи, шумишь. Неужели думаешь, что панкус поверит словам предателя Иссихассы?

– Я хочу знать правду, – настойчиво требовал лабарна. – Я невинен, но неизвестность гнетет меня и не дает спокойно спать.

Таваннанна повернулась к нему всем телом. На ее бледном лице сверкали глаза пантеры, загнанной в угол. Она решительно сказала:

– Ну, знай же правду! Хотя я не уверенна, что, познав ее, ты сможешь спокойно уснуть. Пусть волосы твои поседеют. – Она вся напряглась и, чеканя каждое слово, произнесла: – Лабарну Арнуванду убила я!

– Что? – лицо лабарны перекосилось от ужаса. Словно через какую-то завесу прозвучали эти четыре слова. Его мозг отказывался принять смысл услышанного.

– Да, я, таваннанна Фыракдыне, великая правительница Хатти, твоя старшая жена и мать твоих детей.

– Нет! О, Боги! – воскликнул Суппилулиума и грохнул кулаком по туалетному столику. Заколки, броши, баночки – все посыпалось на пол.

Тут же в спальне появились два здоровенных лувийских охранника, привлеченные шумом. Но, увидев, что все в порядке, и их помощь не требуется, моментально исчезли.

Лабарна отсутствующим взглядом смотрел на упавшие баночки и разлитые по полу ароматные масла. Его взгляд медленно переместился на лицо таваннанны. Как бы удивляясь, он спросил:

– Тебе все это время не было страшно? Ведь ты пошла против воли Богов. Нарушила священный закон Телепину. Совершила страшный, тяжелый грех. – Суппилулиума сел на стульчик и сжал руками виски.

– У тебя дурная привычка: когда злишься, все время стучишь кулаком по столу, – ровным голосом упрекнула его Татухепа. Ее лицо приобретало нормальный цвет. – Ну, как? Тебе стало легче от моего признания? Вспомни то время. Ты сам кричал на Большом Собрании, что Арнуванда проклят Богами. Еще пару лет его правления, и от Хатти осталось бы несколько городов подвластных Митанни. Я бы стала рабыней и мыла ноги какому-нибудь ассирийскому тамкару. – Она подошла к изголовью ложи и достала откуда-то из потайного места кувшин с вином. Не соблюдая никаких приличий, великая таваннанна приложила прямо к узкому горлышку. Отпив несколько крупных глотков, она продолжала: – Да, я его зарезала, и рука моя не дрогнула, а душа не испытывает угрызения совести. Это говорит о том, что руку мою направили богини Истустая и Папия, прядущие в подземном мире нить жизни лабарны. А совесть мою охраняет Богиня Солнца Вурусему и святая мать Сауска.

– Что ты такое несешь? По закону, я обязан отдать тебя на высший суд панкуса. Панкус должен осудить тебя на смерть, – удрученно произнес Суппилулиума.

– Только попробуй! – прошипела Татухепа, превратившись в тигрицу, готовую прыгнуть и разорвать обидчика на куски. – Я тут же объявлю панкусу, что убила Арнуванду по твоему уговору. А, впрочем, – Она мгновенно расслабилась и пожала плечами. – Никто не сможет доказать мою вину. Разве только Иссихасса.

– Опять Иссихасса! – прорычал Суппилулиума, сжимая руки в кулаки. – Расскажи все. Я должен знать!

– Хорошо. Я расскажу. А ты потом решай: осуждать меня или простить. Запомни: я не говорю: казнить или помиловать, потому что Арнуванда воистину был проклят Богами, и его кровь не запач-

кала мои руки. На его совести много грязных убийств. Он и тебя собирался прикончить, если б Фазарука не перерубил хребет одноглазому старику там, в подземелье Цапланды.

Суппилиума содрогнулся, вспомнив сырое подземелье Цапланды и сгорбленного одноглазого старика с кинжалом в руках. Фыракдыне еще глотнула вина и поставила кувшин на стол.

– Мне исполнилось пятнадцать, когда я стала женой лабарны Арнуванды, хотя перед Богами, меня обещали совсем другому. Мой суженый служил телепурием в городе Арина. Мы должны были через год произнести клятву в верности перед истаннаной Богини Солнца. Но однажды, во время праздника Пуруллия, где я участвовала в танцах жриц Богини Сауски, Арнуванда заметил меня. Я так понравилась лабарне, что он решительно наплевал на гнев Богов и совершил ужасную подлость. Ты помнишь эту историю? Телепурий выпил много вина, пошел ночью проверять посты на крепостной стене и случайно свалился вниз. Глупее ничего нельзя придумать.

– А кто был отцом этого юноши? – поинтересовался Суппилиума.

– Жезлоносец Хухулилла. Теперь ты понимаешь, почему жезлоносец защищал тебя в Цапланде, не испугавшись гнева Арнуванды, а после привел в Хаттусу войско Вурусему. – Суппилиума кивнул. – После гибели жениха, я не долго носила траур. Вскоре меня отдали в жены лабарне. Я ничего к нему не чувствовала, кроме отвращения. Но, став супругой лабарны, я невольно оказалась возле государственных дел. Не знаю зачем, но Арнуванда частенько приглашал меня на собрание панкуса. Наверное, хотел показать всем, какая у него красивая жена. Правителем же он был бездарный. Многие телепурии потянулись ко мне с просьбами и жалобами. Хотели, чтобы я повлияла на некоторые решения лабарны. Вскоре я с ужасом поняла, что Хатти делает последние вздохи. Города плохо защищены. Землепашцы страдают от поборов. Во многих землях голод и разорение. На границах неспокойно. Правитель, тем временем, заключал какие-то нелепые договоры с Митанни и Арцавой, тем самым, приближая гибель государства. Закатывал пиры и веселые охоты. Сановники все чаще приходили ко мне и умоляли хоть как-то

повлиять на правителя. Казна пуста. Соседи дерзко разоряют города и переманивают землепашцев. В войске все чаще случаи неповиновения и дезертирства. А чем я могла помочь?

Не в силах дольше выслушивать жалобы, я попросила отпустить меня в Цапланду к Таваннанне Никламати. Арнуванда возмутился, покричал, но все же разрешил. Как раз через неделю нагрянули каскийцы. Правитель Великой Хатти – жалкий трус – сбежал, оставив на сожжение священную столицу. Я пришла в отчаяние. Чего же дальше ждать? Если враг сжег Хаттусу, то вскоре вся земля Хатти запылает. Хотя я и хурритка чистых кровей, но мои предки еще при Великом Лабарне служили в Хаттусе и в Арине, ходили в походы вместе с победоносным Мурсили, когда пал Вавилон к его ногам. Мой отец командовал войском Бога Зерна при лабарне Тудхалии и погиб под Удой, защищая город.

Я безумно люблю Великую Хатти и не могла поверить, что скоро на месте цветущих долин будет степи, поросшие сорной травой; вместо могущественных городов останутся жалкие поселения полудиких скотоводов. Со всех сторон будут приходить враги набирать рабов, как тягловую скотину из стада. Самое ужасное, что никто из близкого окружения лабарны не разделял мои опасения. Все, как один, старались быть глухими и слепыми. Отчаявшись, я начала бредить о том, как бы самой захватить власть и спасти хоть какую-то часть от бывшей огромной державы, хоть несколько городов. Но вокруг я не видела ни одного воина, способного набраться смелости и поддержать меня в дерзком замысле, а возможно и в заговоре. Видела только трусов и льстецов. А враг тем временем безнаказанно опустошал земли. Великая Хатти умирала.

И вдруг, все заговорили о Суппилиуме. Будто огненный меч Бога Солнца прорезал свинцовые тучи. Нас оповещали обо всех победах дерзкого юного полководца. Мне стало понятно, что наши стремления совпадают, только ты уже действуешь, а я бессильна что-либо предпринять. Иссихасса, упросив старую таваннанну отдать ему мешеды, ушел к тебе на подмогу. Я хотела идти с ним, все равно кем, хоть лучником, хоть помогать лекарям. Но Никламати, со слезами на глазах просила остаться возле нее в Цапланде.